

УДК 811.161.1'37

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЛЕТОПИСНОГО ТЕКСТА

И.В. Ерофеева

Аннотация

В статье рассматривается функционирование сложных имен существительных в летописных памятниках. Анализируются особенности их структуры и семантики, показывается специфика их употребления в разных по жанровой окраске контекстах. Проводится сравнительный анализ употребления сложных дериватов в разных по времени и месту написания летописных сводах. Две основные группы производных имен со значением действия и лица характеризуются с точки зрения их происхождения, стилистической окраски, значения. На примере употребления сложных слов в древнерусских оригинальных памятниках выявляется их место в культурном контексте средневековья.

В формировании наиболее важных семантических сфер русского макрокосма участвуют разные лексические и словообразовательные средства, к числу которых относится и словосложение. Сложные слова представляют собой особый пласт лексики в средневековом тексте, а их употребление связано с определенными жанрово-стилистическими разновидностями письменного языка определенной эпохи. В древнерусском языке словосложение не получило широкого распространения и поддерживалось кальками с греческого языка, пришедшими через посредство старославянского языка. В силу своего происхождения сложные слова обладали стилистической маркированностью, а потому были представлены в основном в контекстах, связанных с книжно-славянской культурной традицией. Композиты играли особую роль в смысловой организации древнерусского текста, отражая важные для языкового сознания человека понятия. Это было связано не только с их происхождением, но и с особенностями словообразовательной структуры – двухкомпонентным составом. Лексические значения элементов сложения суммируются, образуя единое слово, характеризующееся структурной и семантической целостностью.

Сложные слова были присущи древним индоевропейским языкам, в том числе древнегреческому, кальки с которого и послужили образцом для создания сложных слов в славянских языках. Исследователи не раз обращались к теме соотношения русских сложных слов и их греческих соответствий [1, с. 154–188; 2, с. 163–173 и др.]. Однако их роль в смысловой структуре древнерусских оригинальных памятников, в частности летописных сводов, не была предметом специального рассмотрения. Летописи как произведения компилятивного характера с преобладанием исторического компонента в повествовании отразили

сложившуюся систему лексических средств организации текста. В летописных сводах выбор слова был обусловлен необходимостью передачи определенных понятий, связанных с двумя полюсами средневекового восприятия действительности. В ряде случаев сложения были представлены в переводных, в большинстве своем с греческого языка, текстах религиозного содержания, которые также занимали важное место в составе летописных сводов. Особенно широко такие тексты отразились в самом интересном и разнообразном по составу летописном своде – «Повести временных лет» (далее ПВЛ). В памятниках летописания, имевших меньшие связи с греческой культурной традицией, например, Новгородской I летописи старшего извода (далее НЛ) или Московском летописном своде 1479 года (далее МЛС), сложные слова также являлись весьма характерной особенностью лексической системы и употреблялись в связи с необходимостью передачи понятий из разных сфер жизни – как духовной, так и материальной: трудовой, социальной, философской, религиозной и других областей человеческой деятельности.

Будучи искусственными образованиями для лексической системы древнерусского языка, сложные слова чаще всего встречались в составе определенных традиционных ситуативных формул [3, с. 32], так как при переводе обычно калькировались не отдельные слова, а слова в составе конкретной синтагмы. Однако, как отмечают исследователи, «чем древнее формула текста, тем шире глагольные сочетания, а не сложные слова номинативно-статичного характера» [2, с. 166]. Вот почему в разных летописных сводах количественный и качественный состав сложных слов различен. Это связано не только с содержанием памятников, но и со временем их написания. В более поздних летописях количество сложных слов увеличивается, что свидетельствует об их ассимиляции лексической системе русского языка, а характер контекстов, в которых они начинают употребляться, свидетельствует о постепенном стирании стилистической маркированности этих лексем.

Употребление компонентов традиционных формул, включавших сложные слова, зависело от двух тенденций, характеризовавших манеру изложения событий в летописях: тенденции к обобщенному, схематизированному изображению явлений по нормам литературного этикета и тенденции к точному воспроизведению явлений действительности [3, с. 38]. Употребление сложных слов в составе ранних памятников летописания связано в большей степени с первой тенденцией, в более поздних памятниках – со второй. Причем в более ранних летописях, например ПВЛ, преобладают сложные слова со значением лица, в более поздних, например МЛС, – со значением действия.

Композиты могут быть предметом рассмотрения с точки зрения их структуры, возможной сочетаемости составляющих их элементов, синтаксических связей компонентов исходных для них словосочетаний. При этом важным оказывается анализ первого компонента сложений, второго компонента сложений и, наконец, словообразующего аффикса. При производстве сложных слов в древнерусском языке использовались те же словообразовательные средства, что и при образовании простых дериватов. Композиты относились к одному из двух основных словообразовательных полей – полю действия и состояния или полю деятеля. Каждое словообразовательное поле имело свой набор суффик-

сов. Среди сложных слов с отвлеченным значением наиболее продуктивными были образования с формантами *-ие*, *-ние*, *-ство*. Такие формы часто эксплицировали символическое значение, были связаны с репрезентацией понятий, относящихся к конфессиональной культуре средневековья.

Состав и характер рассмотренных летописных сводов определяет и специфику употребления сложных дериватов в них. Так, в «Повести временных лет», включающей значительное количество произведений религиозной тематики, достаточно часто отмечаются сложные слова. В Новгородской I летописи, которая характеризуется документализмом содержания и однородностью языка, сложные слова относятся к редким формам. И, наконец, в Московском летописном своде 1479 года, отличающемся протокоальностью в описании многих исторических событий и содержащем ряд произведений церковного характера, а также авторские отступления и комментарии, количество сложных слов увеличивается.

В рассмотренных летописных текстах частотны сложные слова отвлеченного значения с первым компонентом *благо-*, который был наиболее продуктивным начальным компонентом сложений в древнерусском языке вообще [4, с. 165], например: *благословенье*, *благочестье*, *благодать*, *благодѣяние* и др. Большинство образований с первой частью *благо-* имеет терминологизированное религиозное значение. Часть из них подвергается частичной конкретизации и выступает с результирующей семантикой, обозначая нематериальные, идеальные по своей природе явления. Наибольшей частотностью употребления среди слов с *благо-* в «Повести временных лет» и Московском своде 1479 г. характеризуется образование *благословенье* в значении «пожелание благополучия кому-либо с призывом божьей помощи, милости». В ПВЛ оно выступает в погодных статьях о крещении Владимира (988 г.), в «Житии Феодосия Печерского» (1074 г.), в «Похвальном слове Феодосию Печерскому» (1091 г.) и других отрывках, содержащих элементы агиографического стиля. Данное слово отмечается и в Новгородской I летописи, и также с конкретизированной семантикой.

Высокой частотностью употребления отличается в летописных сводах Москвы и Новгорода и другое образование с первой частью *благо-* – *Благовѣщенье*, которое в соответствии в общим документальным характером повествования в этих памятниках употребляется для наименования религиозного праздника или названия церкви в честь этого праздника и используется для указания на время, дату определенных событий. Такое употребление слов религиозного значения характерно для памятников исторического содержания. Другое образование подобной семантики – *Богоявление* – также отмечается в этих двух летописях в темпоральном значении или выступает как имя собственное и служит для наименования «праздника в честь крещения Иисуса Христа» и церкви или монастыря, названных в честь этого праздника.

В языке летописных текстов нет украшающих речь тропов, поэтому особую выразительность ему придают производные слова, которые отличаются внетекстовой межсловной мотивацией. Сложные слова занимают среди них особое место, придавая языку погодных записей значимость и даже величавость. Большинство сложений занимает ключевые позиции в семантической структуре древнерусской синтагмы. Одним из таких образований, являющихся

обозначением важного понятия средневековой конфессиональной культуры, является сложное слово *благодать*. Оно относится к религиозно-христианским терминам, заимствованным из старославянского языка. Вторая часть данного слова оформлена устаревшим и непродуктивным в составе сложений суффиксом *-ть*. Отношения между компонентами исходного для образования *благодать* словосочетания из атрибутивных переосмысливаются в прямо-объектные. Данное сложение фиксируется в составе устойчивых формул с определениями религиозного характера: *божия, бога* и под. При этом оно характеризуется сложной семантической структурой, выступая как с отвлеченным значением «ниспосланная свыше спасительная сила», так и с качественным значением «милость, доброта». Кроме того, оно может выражать и конкретизированное значение «благодарность», с которым оно отмечается вне определений религиозного характера в Московском летописном своде 1479 года. Это отражает определенную эволюцию в развитии семантики данного сложного слова, свидетельствует о его отрыве от чисто церковных контекстов.

В древнерусском языке большинство сложных слов с первой частью *благо-* могло развивать качественную семантику, например, образование *благочестие* выступало со значением «истинная вера, благочестие». Характерно, что в ПВЛ оно отмечается только один раз в переводе Хроники Георгия Амартола, в то время как в МЛС оно становится частотным образованием, называющим важное христианское качество реальных исторических персонажей.

Одной из характерных особенностей сложений является повторяемость их компонентов, особенно первых. Основную смысловую нагрузку несет обычно второй компонент сложных слов, который определяет и категориальное значение слова в целом. Однако первые части часто являются обозначениями ключевых для средневековой культуры понятий: *благо-*, *бого-*, *добро-*, *зло-* и др. Степень продуктивности первых компонентов сложных слов, зафиксированных в летописных сводах, почти полностью совпадает с их распространенностью в древнерусском языке XI – XIV веков [4, с. 165]. Одной из наиболее употребительных первых частей в составе сложных слов в этот период была основа *добро-*. Однако в летописях отмечается лишь одно образование с этим первым компонентом – *добродѣтель*. Как и большинство подобных имен, оно характеризуется отвлеченной семантикой, называя важное качество, проповедуемое христианской религией: «добродетель, нравственное совершенство, высокая нравственность». В ПВЛ оно фиксируется в «Сказании о Печерском монастыре» при характеристике святого Антония – основателя этого монастыря. В МЛС оно отличается большей частотностью употребления и используется при описании нравственных качеств служителей церкви, причем не только в отвлеченном значении, но также и в более конкретном, синонимичном значении первой части слова *добродѣтель*, – «добро, польза». Это свидетельствует о смысловой насыщенности именно первой части данного сложения, репрезентирующей одну из важнейших аксиологических констант русской культуры.

Лексические средства создания характеристики человеческой личности связаны с общей оппозицией средневекового христианского мировоззрения: праведное – греховное. В этот период человек оценивается в первую очередь по своим внутренним, душевным качествам. Наряду со значительным количе-

ством образований позитивной коннотации, целый ряд сложных слов в летописях используется для наименования отрицательных качеств людей. Во всех летописных сводах употребляется образование *высокоумье* в значении «гордость, заносчивость», соотносительное со словосочетанием с первой адъективной основой. Данное значение обуславливается семантикой прилагательного *высокыи*, которое могло актуализировать в древнерусском языке значение качества человеческого характера «гордый, надменный, заносчивый». В контексте ПВЛ образование *высокоумье* характеризует Святополка, убившего братьев, и употребляется в конструкции с творительным падежом «*помысливъ высокоумьемъ своимъ*» (1015 г.), где оно тождественно словосочетанию *высокыи умъ*, буквально соответствующего значению композита. Прилагательное *высокыи* могло иметь в древнерусском языке и социальное значение, но в семантике данного сложения оно актуализирует только указание на моральное качество лица. В более позднем МЛС возрастает частотность употребления образования *высокоумье*, которое используется 6 раз для характеристики реальных исторических деятелей.

Целые ряды сложных слов находятся в синонимических и антонимических отношениях, что свидетельствует о важности выражаемых ими понятий. Среди сложений отмечаются формы с близкой или сходной семантикой и разным составом компонентов, представляющие различные случаи как однокоренной, так и разнокоренной синонимии. Они являются обозначениями важных для русского сознания понятий, относятся к ключевым концептам русской культуры. Например, для выражения понятия «любовь к людям, милосердие» используются разные сложные слова. Доминантой синонимического ряда оказывается слово *милосердие*, характеризующееся наличием целого ряда сходных и противоположных по значению образований. Оно неоднократно используется в текстах НЛ и МЛС. В ПВЛ употребляется близкое по семантике сложное слово *человѣколюбье*. В МЛС отмечаются обе синонимические формы, причем более частотной является слово *милосердие*, отмеченное 13 раз, *человѣколюбье* – лишь 7 раз. Данные образования в контексте летописей распространяются лексемами *богъ*, *господь*, *божее*, обозначая качество высшей силы.

Второй компонент обычно играет в сложении основную роль, будучи его семантическим ядром. Образования со второй частью *-любие* были очень распространены в древнерусском языке. По продуктивности в составе сложных слов отвлеченной семантики компонент *-любие* занимал второе место в этот период [4, с. 178]. Формы на *-любие* были представлены образованиями позитивной и негативной коннотации в зависимости от значения первой части сложения. Многие из них были связаны с репрезентацией религиозно-нравственного компонента. Так, наряду со словом *человѣколюбье* в тексте летописей употребляется и образование *братолюбье*. В ряде контекстов оно реализует широкую семантику, сходную с семантикой слова *человѣколюбье*.

В летописных сводах употребляется однокоренной словообразовательный синоним к слову *братолюбье*, вторая часть которого оформлена суффиксом *-ство* – *братолюбьство*. Образования *братолюбье* и *братолюбьство* могли выступать как с узким значением «любовь к брату», так и с более широким – «любовь к ближнему», обусловленным возможностью развития у термина род-

ства *братъ* вследствие метонимического переноса значения «ближний». В ПВЛ образование *братолюбье* характеризует Бориса и Глеба в «Сказании об убиении Бориса и Глеба» (1015 г.), то есть выступает в узком смысле «любовь к брату», с подобной же семантикой отмечается и слово *братолюбьство*, в то время как в МЛС *братолюбье* имеет более широкое значение «любовь к ближнему».

Называемое этим образованием христианское качество представляет особую ценность в сознании народа, что отражается в наличии целого ряда синонимических и антонимических образований к нему. Сложные слова с общей первой частью являются антонимами, если имеют противоположные по значению вторые компоненты. Во всех летописных сводах употребляется сложное слово *братоненавидѣнье* – «ненависть к брату, ближнему», являющееся антонимом к рассмотренным выше именам с первой частью *брато-*. Оно отмечается в контекстах обобщающего содержания и не связано с характеристикой родственных отношений. Во всех трех памятниках оно выступает в ряду однородных членов – образований с семантикой качества, характеризующих греховность человеческой натуры: «Того же богъ видя наша безакония и братоненавидение и непокорение другъ къ другу и зависть» (НЛ, 1230 г.); «Дьяволь радуется злomu убииству и крови пролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье клеветы» (ПВЛ, 1068 г.); «Да отступили ся бы есмы от неправдъ своих, от братоненавидѣнья и от сребролюбья и от неправедного суда и от насилія» (МЛС, 1380 г.). Во всех рассмотренных летописных сводах образование *братоненавидѣнье* представлено в составе определенной ситуативной формулы с разным составом компонентов, но сходным значением.

Сложные образования с первой частью *брато-* могли выступать не только со значением состояния, но и со значением действия. В МЛС отмечаются словообразовательные синонимы *братоубииство* и *братоубьение*, вторые части которых отражают наиболее распространенный случай словообразовательной синонимии имен действия в древнерусском языке вообще: синонимию образований с суффиксами *-ние* и *-ство*. Как и другие сложные слова с первой частью *брато-*, имена *братоубииство* и *братоубьение* могли выступать как с узким значением «убийство брата», так и с более широким – «убийство ближнего».

В летописных сводах сильно публицистическое начало. Помимо прославления христианства, важную роль в них играет осуждение язычества как изживающей себя традиции. Наряду со сложными словами с высокой религиозной семантикой, в летописях отмечаются экспрессивно окрашенные имена, связанные с отражением языческих верований. Например, образование *чародѣиство* в значении «колдовство, ворожба» фиксируется в ПВЛ в рассказах о волхвах 912 и 1071 годов, объединенных общей нравоучительной тематикой – осуждением действий волхвов с точки зрения христианского мировоззрения. Данное сложное слово выступает в ряду синонимических простых дериватов *волхование* или *волишьство*, составляя с ними своеобразный градационный ряд. В этом ряду образование *чародѣиство* является более экспрессивно и эмоционально окрашенным. С этой же областью действительности связано образование *бѣсслуженье* в значении «служение бесам, идолопоклонство». Оно отмечается в ПВЛ в «речи философа», представляющей собой диспут о вере, в котором

доказывается несостоятельность язычества. Языковые формы, в том числе сложные слова, органично входят в состав проповеди. В ней же употребляется синонимичное слову *бѣсслуженье* сложное слово *кумиротворенье* в значении «создание идолов, кумиров, идолопоклонство», которое употребляется наряду с описательным выражением *кумиры творити*.

Целый ряд синонимов к рассмотренным именам представлен и в МЛС, язык которого тоже отличается публицистичностью в прославлении христианства и осуждении язычества. В МЛС отмечается два сходных по значению образования с общим первым компонентом *идоло-* (который является грецизмом) и близкими по семантике вторыми частями: *идолопоклонье* и *идолослуженье* – «языческий культ поклонения идолам, идолопоклонство». Как и их синонимы в ПВЛ, они выступают в нравоучительных контекстах и всегда составляют семантическую оппозицию со сложными словами отвлеченного значения, репрезентирующими христианскую точку зрения: *православие*, *благочестие*, *богоразумие*. Разветвленная система синонимических образований представлена в сфере обозначения таких понятий, которые были особенно важны для языкового сознания средневековья. Это свойство лексической системы данного периода не раз отмечалось исследователями: «в христианской литературе находим множество определений одних и тех же добродетелей и пороков» [5, с. 112].

Таким образом, большинство сложных существительных отвлеченной семантики в летописных сводах выступает с религиозным значением или характеризует действия, качества, состояния с точки зрения церковного мировоззрения. Отмечаются и формы противоположного значения – называющие действия, связанные с языческими верованиями. Такие формы находятся в отношениях семантического противопоставления.

Единичными примерами среди сложных слов представлены образования с конкретизированным значением. Часть из них является обозначением предметов, связанных с христианским богослужением: *благоухание* (ПВЛ и МЛС) – «приятный запах, аромат», *съсудохранильница* (НЛ) – «часть алтаря, где находится жертвенник» и однокоренное образование *судохранилище* (МЛС) – «место хранения утвари, ризница», *рукописание* (МЛС) – «духовное завещание». Отдельные формы конкретной семантики характеризуются негативной коннотацией, при этом они могут иметь фонетические приметы старославянского происхождения. Так, в ПВЛ отмечается образование *срамословье* с конкретизированным значением «непристойные речи», которое используется при описании традиций и обычаев языческих племен.

Стилистическая маркированность сложных слов, специфика их происхождения, особые структурные свойства, прикрепленность к традиционным формулам обуславливали особенности их употребления в контексте летописных сводов. Сложения в основном состояли из компонентов, явно или имплицитно выражающих религиозное значение, и выступали в отрывках назидательно-поучительного характера.

Однако в древнерусском языке этого периода сложные слова начинали постепенно использоваться для обозначения и других сфер человеческой жизни. Такие образования встречаются и в летописных сводах, но они представлены единичными примерами, хотя и характеризующимися высокой частотностью

употребления. Во всех изученных летописях отмечается сложное слово *кровопролитие*, относящееся к военной лексике и обладающее образной внутренней формой, которая у сложных слов особенно выпукла. Хотя словарное значение этого слова «убийство, гибель множества людей», оно становится синонимом слова «война». Другим военным термином является образование *воеводство*, мотивированное основой сложного имени существительного агентивного значения *воевода*. В более древней ПВЛ оно выступает с акциональным значением «командование войском», в более позднем МЛС – с качественным значением «должность, звание воеводы». О возможности образования сложных слов на русской почве свидетельствует образование конкретной семантики *самострѣль*, отмеченное в МЛС в значении «лук особого устройства».

Особый характер Московского свода определяет и характер употребляемых в нем сложений. В нем представлены образования социально-юридической семантики, которые отсутствуют в ПВЛ и НЛ. К ним относятся формы *правосудство* «правый, справедливый суд», образование негативной оценки *мъздоимство* «взимание мзды, взяток», а также очень частотное образование *челобитье* с конкретизированным значением «просьба».

Второй семантический центр словообразовательной системы составляют образования со значением лица. Сложные слова со значением деятеля в более древних летописях – ПВЛ и НЛ – преобладают в количественном отношении над формами с отвлеченным значением, а в МЛС их фиксируется несколько меньше, чем имен со значением действия. Такое распределение свидетельствует о той важной роли, которую занимал человек в литературе средневековья. В древнерусской культуре характеристика человека отражала значимую для средневековья оппозицию души и тела. В описании человека коллективные черты преобладали над индивидуально-личностными. Существовало множество способов номинации лица, в том числе с использованием сложившейся системы словообразовательных средств, среди которых особое место занимало словосложение. Суффиксы, которые использовались при производстве сложных слов, те же, что и при образовании простых дериватов: *-тель*, *-никъ*, *-ьць*, *-ица*, нулевой формант. Наиболее продуктивным из них был суффикс *-ьць*, традиция использования которого при производстве сложных дериватов восходит еще к старославянскому языку [6, с. 23].

Поскольку сакральная идея пронизывала все повествование в древнерусских текстах, она охватывала и имена со значением лица, многие из которых были связаны с репрезентацией христианской идеи. Ряд форм, прежде всего калек с греческого, уже в древнейших летописных сводах использовались как устойчивое определение Бога. Самым популярным атрибутом Бога было образование *вседержитель*, отмеченное во всех летописных сводах. Оно образовано на базе словосочетания перифрастического характера и является синонимом слова Бог. Чаще всего оно выступает в аппозитивной функции, что свидетельствует о высокой степени качества данного имени существительного [7, с. 112]. Устойчивым атрибутом Бога является и сложное слово *человѣколюбыць*, в значении которого не эксплицирована отнесенность к высшей сущности. Оно отмечается в МЛС и НЛ. Второй компонент этого сложения *-любыць* является

самым частотным в составе сложных слов со значением лица в древнерусском языке вообще [4, с. 178].

В сфере образований, связанных с религиозной традицией, представлены не только сложные *nomina agentis*, являющиеся образными определениями Бога, но и сложные слова со значением лица, характеризующие реальных людей. Такие формы могут использоваться для названия человека, обладающего качествами истинного христианина. Например, образование *страстотерпць*, отмеченное только в ПВЛ, выступает со значением «мученик, подвижник» и является синонимом простого деривата *мученикъ*, который отличается высокой частотностью употребления в составе летописных сводов. Сложное слово *страстотерпць* используется при характеристике Бориса и Глеба, причисленных к лику святых. В «Сказании о Борисе и Глебе» (1015 г.), отличающемся возвышенным пафосом, оно употребляется в ряду книжных форм с суффиксами *-ние*, *-тель*, сложных прилагательных, субстантивов. Содержание летописного произведения детерминирует употребление композита *страстотерпць* параллельно с синонимическим образованием *мученикъ*.

Сложные имена существительные со значением лица, как и сложные имена со значением действия, включены в общую для средневековой культуры оппозицию: христианское – языческое. Часть имен характеризует Бога и его служителей, последователей истинной веры, часть – противников религии, приверженцев язычества. Наиболее явственно распределение сложных имен со значением лица по двум полюсам представлено в ПВЛ, включившей в свой состав целый ряд произведений, содержащих выраженный нравоучительный компонент. В лексическом составе ПВЛ представлено значительное количество образований негативной окраски, характеризующих лицо по действию, направленному против церкви. Среди них отмечаются формы со вторым компонентом *-любць*: слово *враждолюбць* (ПВЛ) в значении «тот, кто любит зло, вызывает ссоры, вражду», являющееся устойчивым определением дьявола; со вторым компонентом *-борць*: *духоборць* (ПВЛ) – «представитель ереси» и *иконоборць* (ПВЛ и МЛС) – «представитель иконоборчества», называющие лицо по действию, направленному против того, что указано в первой части композита (как и в древнерусском языке вообще, в летописных памятниках отмечаются образования, первая часть которых – непереуведенный грецизм *иконо-*). Другим определением противника Бога является сложное слово *миродержць* (ПВЛ) – «дьявол, владыка темных сил», вторая часть которого мотивирована семантически многоплановым глаголом *держати* в значении «владеть, обладать чем-либо», а первая *миро-* характеризуется широким нерасчлененным значением. Буквальное значение композита «владыка мира, земных дел, правитель» подвергается конкретизации и переносится на ирреальный субъект. При этом образование *миродержць* используется для характеристики дьявола «владыки темных сил» и фиксируется в религиозном контексте – «Похвальном слове Феодосию Печерскому» (1091 г). Все приведенные сложения, служащие для названия противников христианской веры и Бога, отличаются общностью не только в денотативной, но и в коннотативной частях значения.

В НЛ гораздо меньше выразительных языковых единиц, в том числе сложных слов. Более того, основная часть из них не связана с репрезентацией хри-

стианской идеи и является обозначением лиц по конкретному признаку, отражающему их земную, социальную сущность. В НЛЛ отмечается форма *крестопереступникъ* «тот, кто нарушил присягу, клятву, скрепленную целованием креста», причем в двух фонетических вариантах – с полногласием и неполногласием во второй части сложения. Это же образование, но только с неполногласием во второй основе встречается и в МЛС, также отличающемся документализмом содержания. В ПВЛ употребляется близкое к нему по значению и структуре образование с таким же вторым компонентом *-преступникъ*: *законопреступникъ* – «человек, нарушающий религиозно-нравственные нормы и государственные законоположения». При этом первая часть сложения *законо-* имеет более широкое значение, чем у образования *крестопреступникъ*, и включает в себя не только юридический, но и религиозный компонент. В контексте летописной статьи «Об убиении Бориса и Глеба» (1015 г.) оно выступает с широким нерасчлененным значением, так как в христианском сознании любое нарушение юридического закона есть нарушение и божественного закона.

В более позднем МЛС увеличивается количество сложных слов вообще, в том числе таких, которые обозначают лицо по его положению, роду деятельности в церкви, например: *протодьяконъ*, *протопопъ*, *священноепископъ*, *священноинокъ* и др. Лишь одно сложное слово, входящее в эту лексико-тематическую группу, – *черноризьць* – отмечается во всех исследованных летописных сводах. Оно является названием рядового представителя церкви – монаха, чернеца – и обладает высокой частотностью употребления в ПВЛ, где фиксируется 22 раза преимущественно в произведениях религиозного содержания, и в МЛС, где оно отмечается 13 раз.

Специфика описываемых в летописи событий и особенности их интерпретации обуславливают использование и других групп производных слов со значением лица. Важное место во всех летописных сводах занимает описание представителей не только религиозной, но и мирской власти, их жизни, деятельности, смертей. Для наименования лиц по социальному положению используются и сложные слова. К этой лексико-тематической группе относятся синонимические образования *самовластьць* и *самодержьць* в значении «властитель». Их семантическая близость обусловлена общностью первой части местоименного характера *само-*. Они выступают в ПВЛ и МЛС в погодных статьях конкретно-исторического содержания как социальные термины и характеризуют представителей власти.

С течением времени летописи начинают отражать все больше событий реального исторического характера. В них расширяется круг производных имен, характеризующих лицо по роду занятий, разным видам деятельности. Среди них отмечаются и сложные слова, которые не имеют прямого отношения к переводам с греческого. В ПВЛ лишь два таких образования: *рыболовь* и *скорописець*, в МЛС их количество увеличивается: *каменослцьць*, *скоросольникъ*, *черноборьць*, *заимодавьць*. Они являются наименованиями лиц, связанных с различными сферами деятельности. Некоторые из них синонимичны простым дериватам: образование военной семантики *скоросольникъ* имеет сходное значение со словами *соль* или *посоль*; форма *скорописець* – с образованием

письць. Первая часть таких сложных слов подчеркивает динамический характер соответствующей деятельности лица.

Среди сложных имен со значением лица часто наблюдается синонимия слов с общей первой или второй частью. Это связано с разным переводом частей соответствующего греческого слова. Например, во всех летописных сводах отмечается существительное, называющее лицо по локальному признаку – *иноплеменникъ*. Наряду с ним в НЛ используется синонимическое образование *иноземьць*, а в МЛС – *иноязычникъ*. Все они выражают сходное значение «чужеземец, иноземец». Наиболее частотным в этом ряду является образование *иноплеменникъ*, которое всегда имеет отнесенность к военной сфере. Сложное слово *иноземьць*, обозначая представителей иных племен и народностей, лишено военного и религиозного наполнения. Оно используется при характеристике купцов в контекстах бытового содержания и не имеет отрицательной коннотации, свойственной синонимическим ему формам с первой частью *ино-*. И, наконец, образование *иноязычникъ* может включать религиозный компонент, обозначая не просто «иноплеменника», а «язычника, иноверца, неверного», являясь синонимом слова *язычникъ*. Образование *язычникъ* является старославянизмом – словообразовательной калькой с греческого, где при переводе слово *языкъ* использовано в значении «народ», откуда *язычьскыи* – «свойственный другим народам». Первый компонент сложения *иноязычникъ* – местоимение - уточняет, актуализирует значение второй части, несущей основную смысловую нагрузку. В этом значении слово *иноязычникъ* синонимично другому сложному имени существительному с первой частью *ино-*, зафиксированному в ПВЛ, – *иновѣръць*. При этом образование *иновѣръць* имеет более узкий смысл, обозначая лицо только по религиозному признаку.

Особую группу в летописях составляют сложные слова, характеризующие человека по его внутренним и внешним качествам: *злодѣи* (ПВЛ, МЛС, НЛ), *убиштвоудѣица*, *женолювьць*, *прѣлюбодѣи* (ПВЛ), *сыроядьць* (НЛ, МЛС), *кровопролитць* (НЛ), *лиходѣи*, *празднословьць*, *студословьць*, *сребролювьць*, *кровопивць* (МЛС). Все отмеченные в летописях имена подобного значения отличаются отрицательной коннотацией. Это отражает общую тенденцию в описании человека в этот период. Позитивные качества индивида отмечаются в основном в религиозных контекстах при характеристике людей, пострадавших за веру или служащих ей, – мучеников и подвижников. В остальных погодных статьях чаще указываются отрицательные качества людей.

Наиболее популярны в этой группе сложные слова со вторым глагольным компонентом, называющим действие, направленное на объект, отмеченный в первой части. Характерное для христианского мировоззрения усложнение терминологии и увеличение синонимов представлено и в этой группе имен. В разных летописях употребляются сходные по значению сложные слова с разной внутренней формой, например: *убиштвоудѣица* (ПВЛ) и *кровопролитць* (НЛ) в значении «убийца» и др. Многие формы, называющие человека по его внешним и внутренним качествам, соотносятся со словосочетаниями, компоненты которых связаны прямо-объектными синтаксическими отношениями: *женолювьць*, *кровопролитць* и др.

Отнесенность сложного слова к определенному плану повествования обусловливается объемом значения первого компонента. Если в нем заключено представление о конкретном предмете действительности или о характере протекания реального действия, сложное слово употребляется в контекстах, связанных с описанием фактических событий. Например, в ПВЛ в погодной статье о Владимире-язычнике (980 г.) употребляется сложное слово *женолюбыць*, в историко-этнографическом введении – *убиштводрѣица*, в «Сказании об обретенной грамоты словенской» (898 г.) – *скорописьць* и т. д.

Особую группу среди сложных имен со значением лица составляют устойчивые определения представителей нехристианских народов. К ним относится образование *сыроядьць* в значении «дикарь, варвар», номинация в котором осуществляется на базе одного из характерных признаков таких народов – употребление сырой пищи. Вследствие метонимического переноса слово *сыроядьць* приобретает более широкое значение.

В древнерусском языке в значении слов, называющих человека по его внешним качествам, часто развивается более отвлеченная семантика, связанная с характеристикой внутренней сущности человека. Так, образования с общей первой частью *крово-*: *кровопролитыць* и *кровопивыць* – имеют как прямое значение «тот, кто проливает кровь множества людей, убийца», так и переносное – «жестокий человек». Оба слова содержат связанную с глаголом вторую часть, но различаются характером выражаемого в ней действия. Слово *кровопролитыць* соотносится со словосочетанием, имеющим реальное значение, *кровопивыць* – со словосочетанием с переносным значением. Они используются для характеристики нехристианских народов, врагов Русской земли, как и слово *сыроядьць*, и отмечаются в летописных сводах, в которых описанию военных событий отводится значительное место, – НЛ и МЛС. В ПВЛ подобные образования отсутствуют.

Небольшую группу сложных слов со значением лица составляют имена существительные, называющие лиц женского пола. Такие образования были непродуктивными в древнерусском языке вообще. Все они оформлены суффиксом *-ица*, большинство образований с которым имели соответствующие имена мужского рода с суффиксами *-икъ* или *-ыць*. Наиболее частотным из сложных имен со значением женскости во всех летописных сводах является калька с греческого *Богородица*. Данное образование используется в составе названий церквей, религиозных праздников, иконы. В качестве устойчивого наименования богородицы используется сложное слово *приснодрѣица*, отмеченное в НЛ. В МЛС употребляются и другие образования со значением лиц женского пола, относящиеся к терминам христианской культуры, например: *мироносица* «женщина, приносившая миро для помазания Иисуса Христа» или *преподобномученица* «пострадавшая за христианскую веру». Обе отмеченных формы выступают в составе названий религиозных праздников для более точного указания на время тех или иных исторических событий.

Часть сложных слов со значением женскости в летописях характеризует лиц женского пола, имеющих определенные пороки, порицаемые христианской нравственностью. К ним относятся композиты *любодрѣица* и *прелюбодрѣица* в значении «развратница, распутница», отмеченные в ПВЛ, и слово *чародрѣица* в

значении «колдунья, волшебница», отмеченное в НЛ и МЛС. Данные образования выступают при соответствующих существительных мужского рода с нулевым формантом.

Таким образом, использование сложных имен существительных в составе летописных сводов связано со сложившейся в средневековье культурной традицией. Они являются выразительными языковыми формами, придающими повествованию особую возвышенность и образность. Сложные слова являются стилистически маркированными образованиями, что связано со спецификой их происхождения, поэтому многие из них становятся словесными центрами контекста, несут важную смысловую нагрузку. В сфере номинации отвлеченных понятий и лиц производные такого типа распределяются на две группы, отражающие общую для средневековых текстов оппозицию: религиозное – мирское. Она особенно явственно проявляется в летописных текстах, в которые включено значительное количество произведений, имеющих назидательно-нравоучительный характер. Именно в подобных контекстах часто используются сложные слова, многие из которых являются обозначениями пороков и добродетелей, проповедуемых или порицаемых христианством. Наименования лиц также включены в названную оппозицию и четко противопоставлены как формы с позитивной и негативной коннотацией. В более поздних летописях, к числу которых относится Московский свод 1479 года, постепенно усиливается светский момент, увеличивается и количество сложных слов, однако они продолжают сохранять стилистическую прикрепленность и на протяжении многих веков начала русской письменности воспринимаются как слова, несущие особую смысловую нагрузку.

Summary

I.V. Erofeeva. Compound nouns in the semantic structure of the text of chronicles.

The article deals with the functioning of compound words in annalistic monuments. The peculiarities of their structure and semantics are analyzed, the specific character of their use in the contexts of different genres being shown. The comparative analysis of the use of compound derivatives found in collections of chronicles written at different times and in different places is presented in the article. Two main groups of the derivatives with the meaning of the action and with the meaning of the person are characterized from the point of view of their origin, stylistic colouring, and meaning. The example of the use of the compounds in the original Old Russian monuments shows their place in the cultural context of the Middle Ages.

Литература

1. Вялкина Л.В. Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. – М.: Наука, 1966. – С. 154–188.
2. Аверина С.А. Сложные слова в языке XII в. // Древнерусский язык домонгольской поры. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 163–173.
3. Творогов О.В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ, XX. – М.-Л., 1964. – С. 29–40.

4. *Вялкина Л.В.* Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI – XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. – М.: Наука, 1974. – С. 156–195.
5. *Колесов В.В.* Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – С. 106–124.
6. *Николаев Г.А.* Из истории русского словообразования. Сложные nomina agentis с суффиксом -ец // История русского языка. Словообразование и формообразование. – Казань: УНИПРЕСС, 1997. – С. 23–33.
7. *Пастушенков Г.А.* Степень качественности семантики производного слова как один из критериев определения его словообразовательной структуры // Исследования по семантике русского языка. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1979. – Вып. 4. – С. 109–119.

Источники

МЛС – Московский летописный свод 1479 года. Уваровский список летописи. – Полн. собр. русских летописей. – Т. 25. – М.-Л., 1949.

НЛ – Новгородская первая летопись старшего извода. – М.-Л., 1950.

ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи. – Полн. собр. русских летописей. – Т. 1. – М.-Л., 1926.

Поступила в редакцию
12.04.06

Ерофеева Ирина Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и языкознания Казанского государственного университета.